

Казак и принц

Ехали каза́ки; у одного конь притупел. Он и говорит: «Ступайте, братцы, а я свою доброго коня выкормлю и нагоню вас». Выкормил свою доброго коня, сел и поехал. Оглянулся назад, видит — стог загорелся. На стогу сидит девица, такая красавица, ни в сказке сказать, ни пером написать, и кричит ему: «Вольный казак, сними меня со стогу!» — «Как же мне вас, красная девица, снять, когда вы кругом в пламени?» — «У вас, — говорит, — сабля долгая, протяните ее, я к вам слезу». Он обратился назад, протянул саблю; она слезла по ней и стала змеей. Обвилась эта змея округ его шеи. «Вези же меня, — говорит, — в Волвяно́е царство! Если же не отвезешь туда, так я у тебя буду век на шее». Он думал, думал: «Где же мне Оловяно́е царство найти?» Взял, сел и поехал. Заезжает в деревню, входит в каба́к и просит у целовальника косушку водки. Целовальник подал ему косушку и смотрит солдату на шею. «Что это у тебя, казак, на шее за змея?» — «А вот, — говорит, — велит везти мне себя в Оловяно́е царство. Не знаете ли где оно?» — «Нет, я сам не знаю, а вот поезжайте в это селенье, зайдите к моему брату в каба́к, может он знает». Казак выехал из каба́ка; мало ли, много ли ехал, доезжает до другого села. Вошел в каба́к, просит косушку водки. Целовальник подал ему косушку и смотрит ему на шею: «Что это у тебя, казак, на шее за змея?» — «А вот, — говорит, — велит везти себя в Оловяно́е царство. Не знаете ли где оно?» — «Не знаю. Поезжай к третьему брату, в город. Там на Большой улице, на правой руке трактир есть. Взойдите и спросите пару чаю, а я письмо напишу. Если спросят, на что вам пару чаю, то вы скажите, что это не ваше дело, и потребуйте самого хозяина». Казак выехал из села, приехал в город и спросил у половых в трактире пару чаю. Те и говорят: «На что тебе пару чаю, когда ты один?» — «Не ваше, — говорит, — дело!» Подали ему пару чаю, а он хозяина спросил. Приходит хозяин; казак ему письмо дает в руки. Он читает и говорит: «Ну, солдатик, как бы я принял брата, так и вас приму. Подайте же вы, половые, полштоф мне водки!» И стали они водку пить, и увидел хозяин змею. «Что это у тебя, солдатик, на шее за змея?» — «Да вот велит везти в Оловяно́е царство, а где оно? Не знаете ли?» — «Я, — говорит хозяин, — хоть в нем не был, а мимо проезжал. Выедете из города, на правую руку дорогой и поезжайте». Он, напившись чаю, сел на коня и поехал вон из городу. Смотрит: направо — дорога. Ехал он близко ли, долго ли, доезжает до Оловяного царства; слез с доброго коня, втыкает штык в землю и

привязывает коня за штык, а на штык шашку вешат. Вошел в Ловяно́е царство, глядь — на шее змеи нету. Вошел в дом, в нем никого нет, кричал громким голосом, никто голосу не отдавал. Ходил, ходил и в одном шкапу нашел всяких закусок и напитков. Напился, наелся и закатился на трои сутки спать. Проснулся и говорит: «Опохмелюсь, отыщу своего доброго коня! Кажись я трои сутки спал». Опохмелился и опять закатился на трои сутки спать. Проснулся, говорит: «Кажись шестеро суток спал, а конь не евши. Дай посмотрю!» Вышел, ходил, ходил — не мог найти. «Дай пойду с горя загуляю еще!» Опять опохмелился и на трои сутки спать завалился. Стало девятеро суток. «Сколько здесь ни пей, ни ешь, а надо домой!» Вышел — стоит хижина. «Нет ли, — думает, — в ней мово доброго коня?» Взошел и видит: конь его ест белоярову пшеницу; шашка и штык на стенке, и водичка у коня налитая. «Дай, — говорит, — еще пойду с радости загуляю!» И загулял, закатился еще на трое суток спать. «Сколько здесь ни пей, ни ешь, а домой надо!» Пил двенадцать суток, а в доме не знай что. Вышел, сел на коня и поехал. Оглянулся назад, и стоят три девицы, возле Ловяно́го царства, красоты необыкновенной. Кричат ему: «Военный казак! Пил, ели ты тут двенадцать суток, а никого не поблагодарил!» — «Кого же мне благодарить, когда вас в доме никого нет? Ну, благодарю вас, красные девицы!» Оне ему и говорят: «Военный казак, воротись к нам!» Он вернулся и благодарит: «Спасибо, красные девицы!» Большая сестра дает ему кисетик и говорит: «А на что же тебе этот кисетик?» — «А я, — говорит, — курю трубку и имею табачок, да и трешник могу в него положить». — «Нет, — говорит, — это не для того; а когда ты где чего закупишь, или что на тебя будет (напа́да), возьми его, потряхни, и вылетит из него золото». Середня дала шашку: «На что тебе, военный казак, шашка?» — «Да шашкой я отбиться могу, красная девица». — «Это, — говорит, — верно». Меньшая дала рубашку. «На что тебе она, военный казак?» — «А вот как загрязнится, я домой приеду, надену чистую и к обедне пойду». — «Это не для этого, а когда ежели битва будет — надень эту рубашку и подвяжи шашку: никакая тебя сила не возьмет». Он сел и поехал. Доезжает к одному дому и видит: кругом колья, а на каждом колу человечья голова. На воротах подписано: «Что хошь пей, ешь, только денежки заплати». На одном колу одной головы не хватало. Въехал он в дом, слез с коня и говорит, чтобы убрали его коня и за́дали овса. «Я за все заплачу». Пил и ел он здесь три года, на четвертый год стал рассчитывать с хозяином. «Дайте мне три фуры быков!» Слуги доложили. Хозяин велел подать, на́ смех, думает себе: «Не заплатит, так прямо на́ кол». Подали ему фуру с быками; он встал на наклёску, потрянул кисет за уголок и насыпал полны фуры, так что золото покати́лось с фур на

землю. «Дайте мне гребло!» Ему дали; он сгреб по наклёски вровень. «Что́, — говорит, — в фурах, то хозяину, а что́ на полу — то половым за услугу». Половые обрадовались. «Сколько мы у хозяина служим, а столько еще не заслуживали». И благодарят солдата. «Выведите мне доброго коня!» Ему коня вывели и на руках его в седло посадили. Сел казак и поехал себе, и опослѣ его хозяин и говорит: «Ах, хозяйка, сколько у него денег! Отдадим за него дочь!» И послали полового спросить его — что он женатый или холостой. Тот спросил. «Я, — отвечает, — холостой». «Хозяин вас обратиться просит». Казак вернулся назад. Хозяин и говорит: «Что, возьмешь мою дочь замуж?» — «Можно», — говорит. А дочь-то жила с принцем из Девяти девятого царства, и пишет принц: «Готовь силы больше; если же не приготовишь, то я всю твою силу пройду и самого изрублю». Он испугался, не знат что делать, и тужит, обыймя голову. Зять вошел. «Что тужите, папашенька? Нечего, — говорит, — тужить!» Вдруг принец гонит страшную силу. Казак надел рубаху, надел шашку и выехал к ним на вольность; всеё их силу порубил и принца из седла вышиб. Тот прощенья запросил. Он его простил. «Первая, — говорит, — вина прощается, а вторая — никогда!»

Принц пишет к его жене: «Милёночек, спросите чем он хитёр у вас». Муж ей, когда она спросила его, и говорит: «У бабы волос долог, а ум короток». Повторительно принц пишет: «Готовься! Силы еще больше пригоню!» Гонит силу страшную. Царь испугался, не знат что делать и, тужит, обыймя голову. Зять вошел: «Что тужите, папашенька? Нечего тужить!» Надел свою рубаху и шашку, выехал на вольность, всеё силу порубил и принца из седла вышиб. Тот стал прощенья просить, он простил. Пишет принц к его жене опять: «Спроси, милёнок, чем твой муж хитёр». Та спросила; муж и говорит: «Кабы не эта шашка да рубашка, меня плохая бы курица сшибла». Она изготовила такую же шашку и рубашку, повесила на стенку, а эти отправила принцу. Пишет принц: «Выезжай воевать один на один!» Казак надел рубашку и шашку поддел, выехал; только конь и споткнись. «Что, — говорит, — ты, ненасытная кляча, спотыкаешься?» Принц вышиб казака из седла и стал казак прощенья просить. «Прости ты меня! Кажись я два раза прощал... Изрубите лучше меня на мелки части, положите в кулек и привяжите лошади за хвост, пусть по широкому полю размычет». Изрубил принц казака и склал в кулек, и привязал к конскому хвосту. Конь ходил, ходил по полю и зашел туда, где белоярову пшеницу ел. Подошел к дворцу, заржал. Услышали три девицы и говорят: «Это наш братец!» Вышли, а он изрублен. Перемыли его кости, сложили и спрыснули живой водой и мертвой. Он и встал. «Эх, как я долго спал!» — «Век бы тебе, братец, спать, кабы не мы. Как же бабе поддался?» Большая сестра и говорит: «Есть у

меня одна штука: если сядешь, будешь век сидеть; уснешь — век спать будешь». И дала она ему крестик, что нигде не ложиться и не садиться. «Прямо иди в село; спросишься у богатого мужика — он не пустит ночевать; спросишься у хохла — тот пустит, и вели ты ему себя будить за крестик». Пришел казак в село, хохол ночевать его пустил. После ужина лег казак в ясли спать и говорит хохлу: «Когда на базар пойдешь, буди меня за крестик!» Поехал хохол на базар с женой, и забыли про него. Приехали с базару. «Хозяйка, разбуди солдатика-то!» Та будила, не разбудила, думала, что помер. Хохол бежит, испугался: «Не задушила ли, — думает, — она его». Тряс, тряс, задел за крестик, и стал казак конем — грива серебряная, хвост золотой! «Ах, хозяйка, сплетем обраться, поведем на базар!» Привели на базар, там и оценить не могут. Сказали принцу. Принц выехал и дал им этот двор (?), где казак жил, и обвенчался. «Вот, — говорит, — вам золото, серебро и самовары!» (А хохлы не понимали что это: «Эва сколь рукотомников-то!» — говорят) Коня принец себе взял, постановил в конюшне и девушку к нему приставил.

Вздумал принец к братьям съездить, коня показать. Жена и смотрит за нём. Идет старуха. «Куды, — говорит, — ваш супруг поехал?» — «Да к братьям коня показать». — «Это, — говорит, — не конь, а ваш прежний муж». Она велела коня воротить. Принец назад вернулся. «Что?» — спрашивает. — «Да мне, милёнок, сон нехороший приснился. Если этого коня не зарежешь и его шкурой мне диван не обобьешь — я жива не буду». Девушка вошла к коню и плачет. «Что ты, красная девица, плачешь? Если меня будут резать, то подойди ко мне со слезьми, и как первая кровь брызнет тебе на платье, ты его скинь и зарой в саду». Вывели коня резать. Она так и сделала, как конь говорил. От платья в саду яблонька уродилась: яблочко золотое, листочек серебряный, листочек золотой. Приставили девицу яблоньку стеречь. Принец нарвал яблок и повез братьям показать. Жена смотрит ему вслед, и идет старуха. «Куда это твой супруг поехал?» — «Да вот братьям яблочки от яблони повез казать». — «Это, — говорит, — не яблоня, а твой прежний муж». Она его воротила назад да и говорит: «Сон мне дурной снился. Сруби ты эту яблоню; не срубишь если и стул с креслами не сделаешь, мне живой не быть». Девица опять плачет, заливается. Яблоня ей и говорит: «Когда меня будут рубить и первая щепка отлетит, возьмите и бросьте ее в озеро». Пришли яблоню рубить; девица так и сделала, как ей говорила яблоня: бросила щепку в озеро, и обратилась она в селезня: перушко серебряное и перушко золотое.

Принец увидал в саду селезня и стал его ловить; скинул шашку и рубашку и залез в воду, а жена домой ушла. Селезень завел его далеко в воду, по грудь; нырнул между ног, ударился об землю, стал опять казаком и надел его шашку и рубашку. «Коли хочешь, — говорит, — так так тони, а то сюда вылазай: я тебя изрублю!» Принец потонул в озере. Казак взошел в дом, изрубил принцессу и обвенчался на этой на горничной. Съездил к девицам, поблагодарил, что оне его от смерти отвели, и стал жить да поживать.

(От дворника Алексея, в Симбирске)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.